Серая зона или зеленый коридор?

Алексей ИЕВЛЕВ,
директор дирекции корпоративного бизнеса Росбанка

В современной российской экономике традиционно велика доля добывающих отраслей, в особенности углеводородов. Так, по данным Аналитического центра при правительстве Российской Федерации, доля добычи полезных ископаемых в структуре ВВП по счету производства в 2017–2020 годах достигала 11.3%. А по данным Счетной палаты, доля нефтегазовых доходов бюджета в трудном из-за пандемии 2020 году составила порядка 28%, а годом ранее — почти 40%.

На Западе нефтегазовые гиганты не только ставят цели по трансформации и переходу к Net-zero-модели, но и уже получают под них финансирование через механизм transition-бондов

При этом отрасли, связанные с добычей ископаемых углеводородов, априори не могут быть получателями классического «зеленого» финансирования. Это связано с общепринятыми международными принципами выпуска подобных финансовых продуктов. Наиболее сложные с экологической точки зрения сектора не могут претендовать не только на «зеленое» финансирование, но часто и вообще на любое фондирование в будущем. А уже выпущенные бумаги могут «выпасть» из портфелей инвестиционных фондов по мере ужесточения их ESG-требований. С учетом этих факторов международная финансовая группа Societe Generale, например, взяла обязательства о полном отказе от кредитования новых проектов, связанных с разработкой месторождений энергетического угля, нефтеносных песков и добычей арктической нефти.

Вместе с тем если ничего не предпринимать, то добывающие отрасли так и останутся «грязными». Общепринятое представление о том, что «зеленое» финансирование — удел небольшого процента компаний, которые уже сейчас не являются крупными загрязнителями или эмитентами парниковых газов, тормозит трансформацию всей мировой экономики.

Для решения этой задачи на Западе уже разработаны специальные финансовые инструменты — transition (по-русски правильнее всего было бы сказать «трансформационные») облигации.

Эти инструменты дают возможность компаниям из наиболее сложных с экологической (главным образом климатической) точки зрения отраслей получить долгосрочное финансирование для перехода к низкоуглеродным моделям ведения бизнеса. На сегодняшний день это развивающийся инструмент, и критерии для маркировки сделок как трансформационных достаточно гибкие. В основном они отражены в Белой книге Climate Bonds Initiative. Дополнительный маркер transition может применяться как к «зеленым» инструментам, нацеленным на финансирование конкретного проекта, так и к инструментам, привязанным к достижению целей устойчивого развития.

Несмотря на относительную молодость transition-инструментов, они проч-

но входят в практику. Рейтинговое агентство Sustainalytics, например, уже сейчас предоставляет услуги по верификации transition-бондов. Проблема состоит в том, что понятие transition довольно размыто, часто трактуется по-разному, что приводит к обвинению банков и клиентов в гринвошинге, если экологические некоммерческие организации сочтут цели по трансформации недостаточно амбициозными. Опасаясь этого, банки неохотно работают с такими инструментами.

В отличие от западных конкурентов большинство отечественных добывающих компаний пока не имеют долгосрочных планов по выходу из углеводородного бизнеса

Общественный контроль, максимальная прозрачность и доступность значимых экологических и социальных данных — один из важнейших факторов достижения Целей устойчивого развития ООН. Участие всех заинтересованных сторон, в том числе некоммерческих организаций, помогает компаниям ставить релевантные и амбициозные цели и добиваться их. Однако важно помнить, что радикализм отдельных организаций в ситуациях, когда они выставляют компаниям заведомо невыполнимые требования, никак не помогает реальной трансформации. Он лишь отталкивает компании, которые хотят начать позитивные изменения, но не готовы или технически не в состоянии перестроить свой бизнес одномоментно.

Для России характерна еще одна проблема. В отличие от западных конкурентов — BP, Shell, Total, Enel и других, — большинство отечественных добывающих компаний пока не имеют долгосрочных планов по выходу из углеводородного бизнеса. А это значит, что transition-инструменты для них недоступны, ведь они предполагают постепенный (например, в 2040 или 2050 году) отказ от добычи углеводородов для производства топлива. Тем временем на Западе нефтегазовые гиганты не только ставят цели по трансформации и переходу к Net-zero-модели, но и уже получают под них финансирование через механизм transition-бондов. Как, например, Enel.

Безусловно, российский ESG-ландшафт сегодня быстро меняется, и отечественные контрагенты все активнее начинают проявлять интерес, а подчас и выставлять требования в отношении ESG. Уже несколько лет существует отдельный сектор устойчивого развития на Московской бирже, состоящий из трех самостоятельных сегментов: сегмента «зеленых» облигаций, сегмента социальных облигаций и сегмента национальных проектов. Мы также видим деятельный интерес к инструментам «зеленого» и социального финансирования со стороны Банка России. ВЭБ.РФ был назначен центром компетенций и отвечает за разработку методологии и таксономии. А многие российские компании стали одними из лидеров международных ESG-рейтингов, включая MSCI и Sustainalytics, и проявляют интерес к использованию продуктов ответственного финансирования.

Дальнейшее развитие рынка, его поддержка и стимулирование со стороны государства, осознание бизнесом плюсов в следовании путем устойчивого развития неизбежно приведут к широкому использованию инструментов экологически устойчивого и социально ответственного финансирования. Стоит отметить, что самые актуальные тренды в ESG-сфере, включая различные аспекты привлечения различных инструментов ответственного финансирования, — предмет обсуждения открытой для всех желающих онлайн-конференции Росбанка «Ответственное финансирование как мощная сила позитивных преобразований» (18 мая 2021 года).

В целом для развития инструментов transition-финансирования в России необходимы три условия. Первое — наличие подробной таксономии, соответствующей лучшим международным практикам. Это сделает рынок более прозрачным для всех стейкхолдеров — финансовых институтов, общественности, регуляторов и, главное, для заемщиков. Во-вторых, для повышения доверия к инструментам переходного финансирования необходимо развитие института независимой оценки таких проектов, которая бы подтверждала наличие положительного экологического и социального воздействия и помогала снизить репутационные и коммуникационные риски. И последнее по списку, но не по значению: меры государственного стимулирования компаний, вставших на путь долгосрочной трансформации и поставивших конечные и измеримые цели по снижению влияния на окружающую среду.

Российский ESG-ландшафт быстро меняется, отечественные контрагенты все активнее начинают проявлять интерес, а подчас и выставлять требования в отношении ESG